

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РУССКИХ, ТАТАРСКИХ И ЧУВАШСКИХ АФФИКСОВ

¹Желтов П.В.

¹ФБГОУ ВПО «ЧГУ им. И.Н. Ульянова», Чебоксары, e-mail: chnk@mail.ru

В статье в сравнительном аспекте исследованы чувашские и татарские падежные аффиксы. Семантика употребления целого ряда чувашских падежных аффиксов отличается от семантики употребления этимологически соответствующих им татарских аффиксов. Рассмотрены чувашские и татарские падежные аффиксы и русские падежные окончания, а именно: татарский аффикс направительно-дательного падежа, татарский аффикс исходного падежа, татарский аффикс *ДАЗЫ*, чувашский аффикс исходного падежа, чувашский аффикс творительного падежа, чувашский аффикс *Tu*, русское окончание дательного падежа, чувашский аффикс причинно-целевого падежа, русское окончание родительного падежа. Отмечено сходное употребление в татарском языке направительно-дательного падежа с употреблением дательного падежа в русском, которые противопоставляются по функциональности употреблению в этих случаях местного падежа в чувашском, турецком и других тюркских языках, включая такую возможность и в татарском. Однако в последнем она стала не очень употребительной, уступив место модели с направительно-дательным падежом, что возможно обусловлено влиянием русского языка.

Ключевые слова: сравнительно-сопоставительный анализ, падежный аффикс, русский язык, татарский язык, чувашский язык.

COMPARATIVE AND CORRELATIVE ANALYSIS OF THE RUSSIAN, TATAR AND CHUVASH AFFIXES

¹ZheltoV P.V.

¹Chuvash State University, Cheboksary, e-mail: chnk@mail.ru

In article the Chuvash and Tatar case affixes are investigated in comparative aspect. Semantics of the use of a number of the Chuvash case affixes differs from semantics of the use of the Tatar affixes which are etymologically corresponding to them. The Chuvash and Tatar case affixes and the Russian case inflexion are considered, namely: Tatar affix of a direct-dative case, the Tatar affix of an initial case, the Tatar affix *ДАЗЫ*, Chuvash affix of an ablative case, Chuvash affix of an instrumental case, the Chuvash affix of *Tu*, the Russian inflexion of a dative case, the Chuvash affix of a causal and target case, the Russian inflexion of a genitive case. Was noted a similar use in the Tatar language of the direct -dative with the use of the dative in Russian, which are opposed by functional use in these cases to the local case in the Chuvash, Turkish and other Turkic languages, including such an opportunity in Tatar. However, in the latter it is not very in use, replaced by a model of the direct-dative case, which is possible due to the influence of the Russian language.

Key words: comparative and correlative analysis, case affix, Russian, Tatar language, Chuvash language.

В основу формальной методики исследования чувашской морфологии положена атрибутивно-типовая модель морфологии. Эта модель создана применительно к сравнительно-сопоставительному подходу к изучению языков и использована для описания морфологии двух языков – русского (флективного) и чувашского (агглютинативного). В русской морфологии большую роль играют основы, которые с помощью флексий могут иметь несколько форм, поэтому очень важным представляется правильное моделирование основ. Введем ряд базовых определений [3].

Морфема – эта часть словоформы (цепочка символов), отделимая от нее в результате морфемного анализа. Морфемы бывают двух видов: аффиксальные (префиксы, суффиксы, окончания, постфиксы в русском и аффиксы в чувашском) и корневые.

Аффиксальная морфема – это элементарная некорневая часть словоформы без рассмотрения ее морфологических характеристик. Аффиксальная, или корневая, морфема с ее морфологическими характеристиками называется морфой [2]. Под основой понимается часть словоформы, полученная в результате отделения от нее всех аффиксальных морфем (словоизменительных) и несущая основную смысловую нагрузку.

Поверхностная запись аффиксальной морфемы есть конкретная морфема (префикс, суффикс, окончание, постфикс в русском и аффикс в чувашском языках).

Лексическая запись есть некая абстрактная запись целой группы родственных по виду морфем, выражающих одни и те же морфологические категории. Так, префиксы русского языка *рас-* и *раз-* выражаются единой лексической записью *pa3-*. Чувашские аффиксы исходного падежа *-тан, -тен, -ран, -рен, -чен* выражаются лексической записью *-ТAn*.

Алломорфами называются различные варианты одной и той же морфемы (поверхностная запись морфемы). Чувашские аффиксы исходного падежа – *-тан, -тен, -ран, -рен, -чен* являются алломорфами одной и той же морфемы *-ТAn*.

Атрибутивно-типовая модель морфологии основана на следующих принципах:

- 1) разделение словоформ каждой части речи на типы;
- 2) сопоставление каждому типу шаблона, задающего возможную структуру словоформы, состоящую из словообразовательных и словоизменительных лексем;
- 3) описание морфем с их морфологическими характеристиками (атрибутивный аспект);
- 4) описание отношений между лексемами и формирование правил, позволяющих выводить морфологические характеристики словоформы из морфологических характеристик составляющих ее морфем.

В качестве инструмента для конкретной реализации атрибутивно-типовой модели морфологии был выбран реляционный аппарат. Преимущества данного аппарата в том, что он позволяет представить данные в удобной форме в виде отношений.

Разработанный формальный аппарат описания языка является языконезависимым и применим как для русского, так и чувашского языка.

В разработанном формальном аппарате морфологии существуют следующие типы отношений:

- а) шаблоны;
- б) атрибуты.

Шаблоны – это отношения, определяющие возможную форму слова для некоторой части речи как в измененной форме, так и в неизменной.

По составленным атрибутивно-типовым моделям проведен сравнительно-сопоставительный анализ применения чувашских, татарских и русских аффиксов и выявлены следующие различия между чувашскими и татарскими аффиксами:

1. Татарскому аффиксу *-ГА* (направительно-дательный падеж), используемому для выражения модальной характеристики надобности ('надо'), соответствует чувашский аффикс принадлежности *-Ан* и русское окончание дательного падежа.

(1) *Барыйга укыйсы иде эле. – Барыю (Барыју) надо бы учиться еще.*

Барыйан тата вёренмелле-ха.

2. Зависимому имени с татарским аффиксом *-ГА*, используемому для выражения меры изменения во времени и имеющему при себе числительное, в чувашском языке соответствует независимое имя и аффикс местного падежа, присоединяемый к смысловому детерминативу числительного, а в русском языке – зависимое имя и окончание дательного падежа.

(2) *Казанга мең ел. – Казани тысяча лет.*

Хусан пин султа.

Ульма унике яшь [7]. – Моему сыну двенадцать лет.

Бывайм вун икё султа.

Следует отметить, что такая конструкция, как в татарском примере (2), совпадающая с русской, в большинстве других тюркских языков отсутствует [6], сравните:

турецк. *Ahmed iki yaşında. – Ахмеду два года.*

Из чего можно сделать вывод, что подобное употребление аффикса *-ГА* в татарском, возможно, является следствием влияния на него русского языка.

3. Зависимому имени с аффиксами *-ГА/ДАН*, используемому для обозначения объекта, служащего причиной совершения или несовершения действия, в чувашском соответствует аффикс творительного падежа *-на*, присоединяемый к зависимому имени и окончание дательного/родительного падежа в русском.

(3) *матурлыкка ис китү [8] – удивляться (дивиться) красоте.*

Илемлехне тёлён.

(4) *суыкка/суыктан калтырау [8] – дрожать от холода.*

Сивёне чётре.

(5) *жылыга эрү [8] – таять от тепла.*

Ашпа/[ашй пулнике] ирёл.

4. Зависимому имени с аффиксом *-Га*, выражающему абстрактный объект наличия некоторого признака действия, в чувашском соответствует аффикс исходного или творительного падежа, присоединяемый к зависимому имени, а русском – имя в именительном падеже с предлогом ‘в/во’, стоящим перед характеристикой действия, выраженной именной группой (местоимение + имя).

(6) *бөтен көчкә чабу* [8] – бежать во всю мочь.

Пётём вайран чуп.

(7) *бөтен тавышка кычкыру* [8] – кричать во весь голос.

Пётём сасана кайшар.

5. Зависимому имени с аффиксом *-Га/-Дан*, служащему приглагольным дополнением, соответствует чувашский аффикс исходного падежа *-Тан*, присоединяемый к зависимому имени и русские предлоги ‘на’, ‘по’, ‘за’, употребляемые совместно с именительным или родительным падежом.

(8) *мин синең колагыңа пышылдадым* [8] – я шептал тебе на ухо.

Эпё сана халхуран пайшлтатрём.

(9) *малай кадакка сукты* [8] – мальчик ударил по гвоздю.

Арсын ача пурнинчен сарпё – мальчик ударил по пальцу.

(10) *мин малайны кулыннан тоттым* [8] – я схватил мальчика за руку.

Эпё арсын ачана аллинчен тытрём.

(11) *малай дустьннан утын ярдырды* [8] – мальчик заставил друга рубить дрова.

Арсын ача тусне вутя суртарчё.

6. Зависимому имени с аффиксом *-ны* соответствует чувашский аффикс дательного падежа *-а*, а второму зависимому имени с аффиксом *-Га* в чувашском соответствует аффикс причинно-целевого падежа *-шан*, а в русском оба этих зависимы имени выражены окончанием родительного падежа, перед вторым из них стоит предлог ‘на/за’.

(12) *абзый сарыкны кэжэге алыштырды* [8] – мужик поменял овцу на козу.

Хресчен сурэхне [парса качака илчё]/[качакашан пачё].

(13) *сарыкны ун сумга сатты* [8] – продал овцу за десять рублей.

Сурэхне вун тенкёне сурпё.

(14) *абыйдан башка* [8] – кроме брата.

Пиччесёр пуссар/пусне.

7. Явление рекурсии (многократного повторения одних и тех же аффиксов) на уровне морфологии имеется как в татарском, так и чувашском языке (аффиксы категории выделения *-ти/-чи*, алломорф *-чи* – вариант для существительных, выражающих принадлежность 3-му

лицу). Эти алломорфы состоят из аффикса местного падежа *-ТА* и аффикса выделения *-и*. В татарском языке рекурсия образуется с помощью аффикса *-ДАЗЫ* [7. С. 51], аналогичного турецкому аффиксу *-daki/-deki*, который с исторической точки зрения состоит из аффикса местного падежа *-ДА* и аффикса формы выделения существительных *-ЗЫ* (алломорфы *-гы/-ге*), продуктивного как в современном татарском (*язгы* – ‘весенний’, *бүгенге* – ‘сегодняшний’), так и в чувашском (аффикс формы выделения существительных *-хи*, употребляющийся для образования прилагательных (аффикс адъективности) – *сурхи* ‘весенний’, *малтанхи* ‘прежний’, *паянхи* ‘сегодняшний’) и турецком (аффикс *-ki/-kü* – *bugünkü* ‘сегодняшний’).

В русском же языке рекурсия образуется с помощью относительных ‘кто’, ‘который’, ‘что’ или указательных местоимений ‘тот’, ‘те’.

(15) *Авыл-дагы* [8] – *тот, кто в деревне.*

Ял-ти.

(17) *Авыл-дагы-лар-га* [8] – *тем, кто в деревне.*

Ял-ти-сен-е.

(18) *Авыл-дагы-лар-дагы-га* [8] – *тому, что у тех, кто в деревне.*

Ял-ти-сен-чи-не.

(19) *Авыл-дагы-лар-дагы-лар-га* [8] – *тем, что у тех, кто в деревне.*

Ял-ти-сен-чи-сен-е.

Чувашский язык со своими выделительными аффиксами *-и/ -ё*, совпадающими с аффиксами принадлежности 3-го лица, а также с аффиксом формы выделения существительных, образующим от них прилагательные (аффикс адъективности) *-хи*, и аффиксом выделения прилагательных (аффиксом субстантивации) *-скер* резко выделяется на фоне большинства тюркских языков. Все эти аффиксы используются в рамках так называемой категории дефинитивности, которая в большинстве тюркских языков отсутствует, но имеется во многих индоевропейских языках (французские неопределенные артикли *un, une, des* и определенные *le, la, les* и их испанские, итальянские, португальские аналоги в рамках романской группы языков, а также английские определенный (*a*) и неопределенный (*the*) артикли в рамках германской группы). Однако все они являются артиклями, а не аффиксами, как в чувашском, и их генезис типологически и генетически не связан с чувашским языком.

В современном чувашском языке аффиксам *-ДАЗЫ/-dEki* соответствуют аффиксы *-ти* (аффикс местного падежа *-ТА* + выделительный аффикс *-и*) и *-чи* (вариант для существительных, выражающих принадлежность 3-му лицу). Здесь вместо аффикса *-хи* присутствует аффикс *-и*, поэтому современный чувашский аффикс категории выделения *-ти*

является лишь функциональным, а не формальным аналогом современных кыпчакских и огузских *-ДагЫ* и *-dEki* (*-daki/-deki*). Формальным аналогом может являться возможная древнечувашская форма **-TAXu*, которая на основа фонологической редукции могла перейти в *-TAYu* (переход озвонченного *x* в *й*), а затем в *-Tu*. Возможно, что она употреблялась вместо современных чувашских морфем *-tu/-чу*, а затем, в какой-то переходный период, и наряду с ними. Следует отметить, что адъективный аффикс *-хи* употребляется в чувашском и совместно с аффиксом исходного падежа (*-тан/-тен/-ран/-рен/-чен*) только в наречиях: *мал-тан-хи* 'начальный', *кай-ран-хи* 'последующий', причем он присоединяется только к лексически устоявшимся формам *малтан*, *кайран*, а не к *мал+тан* или *кай+ран*.

8. Атрибутивно-типовые модели выявляют такие особенности чувашских, татарских и русских морфем, как их связь с морфологическими характеристиками словоформы. Так, морфологические характеристики русских морфем обычно складываются из морфологических характеристик составляющих ее морфем, т.е. связь 1:М (одна морфологическая характеристика словоформы может складываться из нескольких морфологических характеристик составляющих ее морфем). Например, категория вида у русских глаголов зависит от наличия префикса, вида основы и суффикса. В чувашском и татарском языках, в отличие от русского, морфологические характеристики словоформы складываются из морфологических характеристик составляющих ее морфем по принципу 1:1 (одна морфологическая характеристика определяет одну морфологическую характеристику словоформы). В то же время имеются морфемы, имеющие две характеристики (например, время и вид определяются аффиксом времени). В чувашском языке морфемы имеют сложную сочетаемость между собой. Их сочетаемость с корнями и другими аффиксами была исследована с помощью схем следования. В то же время ряд собственно чувашских аффиксов имеет лишь одну форму (задне- или переднеязычную), т.е. наблюдаются отклонения от закона сингармонизма. Объяснение этих явлений нуждается в дополнительных исследованиях на основе исторического материала. Однако отсутствие периодических письменных памятников древнечувашского языка затрудняет их проведение. В татарском языке отклонения от закона сингармонизма встречаются редко и связаны в основном с поздними заимствованиями из арабского, персидского и отчасти русского языков, а в собственно татарских аффиксах не встречаются.

Таким образом в сравнительном аспекте исследованы чувашские и татарские падежные аффиксы. Семантика употребления целого ряда чувашских падежных аффиксов отличается от семантики употребления этимологически соответствующих им татарских аффиксов.

Отмечено, что в татарском языке зависимому имени с аффиксом направительно-дательного падежа *-ГА*, используемому для выражения меры изменения во времени (возраста) и имеющему при себе числительное, соответствует независимое имя и аффикс местного падежа, присоединяемый к смысловому детерминативу числительного в чувашском (*-ТА*) и турецком (*-dA*), а также зависимое имя и окончание дательного падежа в русском языке.

Список литературы

1. Апресян, Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю.Д. Апресян // Вопр. языкознания. – М.: Наука, 1995. – С. 37-65.
2. Желтов, П.В. Атрибутивно-типовая модель лексики в сравнительно-сопоставительном аспекте / П.В. Желтов // Вестн. Чуваш. ун-та. – 2003. – № 2. – С.131-136.
3. Желтов, П.В. Лингвистические процессоры, формальные модели и методы: теория и практика / П.В. Желтов. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. – 208 с.
4. Желтов, П.В. Сравнительные исследования чувашского и татарского таксиса / П.В. Желтов // Вестн. Чуваш. ун-та. – 2006. – № 1. – С.189-195.
5. Желтов, П.В. Формальные методы в сравнительно-сопоставительном исследовании языков / П.В. Желтов. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. – 252 с.
6. Русско-татарский разговорник / С.Ф. Сафиуллина, К.Р. Галиуллин. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1986. – 303 с.
7. Сергеев, В.И. Морфологические категориальные и некатегориальные формы в современном чувашском языке / В.И. Сергеев. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2002. – 299 с.
8. Сулейманов, Д.Ш. Структурно-функциональная компьютерная модель татарских морфем / Д.Ш. Сулейманов, А.Р. Гатиатуллин. – Казань: Фэн, 2003. – 220 с.

Рецензенты:

Губанов А.Р., д.фил.н., профессор кафедры русского языка как иностранного (ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»), г. Чебоксары;
Сергеев В.И., д. фил.н., профессор, зав. каф. чувашского языкознания и востоковедения им. М.Р. Федотова (ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»), г. Чебоксары.